

В ту пору, в детской своей наивности, он не понимал, зачем мама говорила и делала всё это. Но чем старше он становился, чем больше встречал на своём пути людей, обстоятельств, историй, тем отчётливее осознавал глубинный, почти философский смысл её поступков. Она учила его свободе – свободе от предрассудков, от навязанных обществом шаблонов.

По крайней мере, теперь он лакомился сладостями с лёгким сердцем, не страшась уронить своё мужское достоинство в чьих-то глазах, и это было настоящим даром, за который он был маме бесконечно благодарен.

- Ваша почтенная матушка – воистину незаурядная женщина, мудрая и прозорливая, – начал было Лю Мао, намереваясь продолжить восхваления, как вдруг Дао Нянь обронил тихо, но отчётливо:

- Рука болит.

- Что такое? Что случилось? – Шэнь Чан Ань мгновенно отвлёкся от своего занятия, отложил недоеденный инжир и склонился над рукой Дао Няня, бережно взяв её в свои ладони. Он заметил, что большой палец правой руки слегка припух и покраснел, кожа вокруг ногтя выглядела раздражённой. Неудивительно, что он отверг всё, что нуждалось в очистке, – с таким пальцем любое прикосновение к твёрдой скорлупе причиняло бы боль.

Он поднёс руку Дао Няня ближе к свету, вглядываясь внимательно, почти по-врачебному: кроме небольшой отёчности, никаких признаков нагноения, никакой угрожающей красноты не наблюдалось. Шэнь Чан Ань облегчённо выдохнул – у него самого отлегло от сердца, словно палец болел у него самого, – попросил водителя остановиться у ближайшей придорожной лавчонки и сбежал за мазью.

Вернувшись, он бережно, едва касаясь, выдавил немного мази на ватную палочку и аккуратными круговыми движениями нанёс на воспалённое место. Затем извлёк из аптечки пластырь с рисунком забавного мишки (другого просто не нашлось в этой глуши) и заклеил им палец, стараясь не слишком туго, чтобы не нарушить кровообращение.

Закончив, он придирчиво оглядел дело рук своих – мишка на пластыре смотрелся нелепо, но главное было сделано – и остался доволен:

- Ничего страшного, обычное воспаление, может, заноза маленькая была или просто натёр. К вечеру пройдёт, вот увидишь.

Лю Мао переводил взгляд с заклеенного пальца господина – пальца, к которому никто и никогда не смел прикасаться без особого на то позволения, – на Шэнь Чан Аня, который уже сосредоточенно потрошил для него инжир, очищая каждый плод с той же тщательностью, с какой минутой назад обрабатывал ранку. Выражение лица Лю Мао сделалось столь же сложным, каким было бы у человека, заставшего своего девятистолетнего деда за смущённым признанием в том, что тот без памяти влюбился в обезьяну в зоопарке.

- Половина - тебе, половина - мне, - Шэнь Чан Ань разделил очищенные плоды на две неравные части, бóльшую, усыпанную горкой, пододвинул Дао Няню, а меньшую, всего несколько штук, в несколько приёмов отправил в рот, жуя с явным удовольствием. - Скоро уже горный источник в долине. Вон, смотри, указатель промелькнул.

Шэнь Чан Ань управлялся с инжиром проворно, но Дао Нянь, даже не считая, мог поклясться: в рот Шэнь Чан Аня отправилось плодов на несколько штук больше, чем досталось ему. Три, а то и четыре лишних ягодки он ухитрился незаметно прихватить, пока раскладывал порции.

Он сощурился, глядя на Шэнь Чан Аня долгим, испытующим взглядом.

"Ах ты, нечестное создание! Мало того что руку мою трогал без спросу, так ещё и инжир обсчитываешь!"

- Гляди-ка, над горами туман, - Шэнь Чан Ань, не замечая этого подозрительного прищура, тронул Дао Няня за рукав и указал в окно, за которым действительно клубилась белая, молочная пелена, окутывающая вершины. - Облака клубятся, словно в обители бессмертных, прямо как на древних свитках. Красота-то какая!

- Обитель бессмертных не бывает столь убогой, - Дао Нянь уставился на инжир в своей ладони - на ту самую, нечестно урезанную половину, - и плотно сжал губы, стараясь, чтобы уголки рта не выдали его истинных чувств.

- А? - Шэнь Чан Ань обернулся и, видя, что тот не ест, а только смотрит на ягоды с каким-то странным выражением, потянулся: - Не нравится? Тогда я, пожалуй...

Но не успел он договорить и протянуть руку, как Дао Нянь, глядя ему прямо в лицо - в упор, не мигая, - с непроницаемым видом принялся за еду. И ел он с подчёркнутой, почти демонстративной медлительностью: по одной ягодке, с расстановкой, тщательно пережёвывая каждый кусочек, словно дегустировал редкое яство.

Шэнь Чан Ань застыл с протянутой рукой, глядя на это представление.

"Это что за детсадовские выходки?" - пронеслось у него в голове. - "Не хочешь отдавать - так и скажи, а то устроил целый спектакль!"

* * *

У входа в долину Горного источника располагалась небольшая билетная касса - неказистое строение из серого бетона с маленьким окошечком. Посетителей в этот утренний час было так мало, что кассирша, женщина средних лет с усталым лицом, лениво дремала в своей будке, уронив голову на сложенные руки, и даже не заметила, как подъехала машина - единственная на всей парковке.

- Сестрица, - раздался лёгкий, деликатный стук по стеклу окошечка, и она вздрогнула, подняла голову. Снаружи стоял молодой парень в белой футболке с длинным рукавом, в очках без оправы, отчего лицо его казалось открытым и каким-то особенно доверчивым. Глаза его, смеющиеся, лучились тёплым светом, от которого на душе становилось радостно и легко, словно выглянуло солнце после долгого ненастья.

Кассирше было далеко за сорок, давно перевалило за тот рубеж, когда подобные обращения воспринимаются как должное, и слово "сестрица" из уст пригожего юноши несказанно польстило ей. Она не только вручила ему несколько туристических брошюр с картами и описаниями достопримечательностей, но и, понизив голос до заговорщического шёпота, по секрету поведала, в какой из здешних харчевен кормят по-настоящему вкусно, по-домашнему, и не дерут втридорога за каждый кусок.

С драгоценным грузом - подаренными буклетами, от которых ещё пахло типографской краской, - Шэнь Чан Ань вернулся в машину и, сияя, раздал их Лю Мао и Дао Няню:

- Тут ещё и купальни с горным источником имеются! - воскликнул он, ткнув пальцем в красочную фотографию на обложке.

<http://bllate.org/book/16518/1505521>